

ЧЕРНОЛУЧЬЕ

Криком исходит октябрьская ночь.
Ветер ломает кедровые сучья.
Черной волною кипит Чернолучье,
Лебеди плачут, и нечем помочь.
Камни грохочут, волна высока,
Белые гребни под белой луною
Холодом тянут, тоской неземною,
Стынет душа и немеет рука...

А далеко за Казачьей грядой,
Там, где подтоплены сети рыбачьи,
В поисках счастья и вечной удачи
С темной водою, как с темной бедой,
Борется катер...
Костер догорает.
Лебеди стонут.
Погода играет.

И вдоль прибоя блестят валуны,
Словно осколки огромной луны.

* * *

Возвращаюсь в страну, из которой бежал,
Надышась заграничною гарью. Эпоха
Золотая моя без упрека и вздоха
Умудрилась меня завалить без ножа.

Распластала, как будто свинью
перед праздником,
И, мешая с зарею снега ноября,

Залила моей кровью свои прохаря
И ладони отерла замызганным ватником...

Как я верил тебе с горькой страстью раба!
Я сосал твое вымя под звездами синими
И считал, что все страны зовутся россиями.
Оказалось — Россия одна, как судьба.

Как судьба! И куда бы ни шел — не уйти.
Сотни раз убегать и назад возвращаться.
В этом замкнутом круге по кругу вращаться,
И шептать сокровенное слово — прости.

Ты простишь меня, Родина. Я ни при чем.
Я готов заплатить этой жизнью прекрасной
И за то, что обманут твоим кумачом,
И за то, что раздавлен звездой ужасной.

Я покорен в любви. А неправде твоей
Есть предел, как картежнику с картой крапленой.
Хоть звезда в Вифлееме намного видней,
Я ее не заметил, иной ослепленный.

Как тавро над могильной зубчатой стеной,
Кровяная блатная бандитская штука.
Роковой оказалась, однако, наука.
Даст Господь — и не станет ее над страной.

И тогда мы вернемся к тебе навсегда,
Все изгой твои, беглецы и калеки,
И заплачем от счастья, любви и стыда,
И поможем тебе, и пребудешь вовеки.

РОССИЯ

Чудовищна, — как броненосец в доке...

О. Мандельштам

Чудовищна, объемна и страшна,
С характером тяжелого медведя,
С монголами и галлами соседа,
В народы обращая племена,

Изнемогая от того и мучась,
Добыв свободу кровью и трудом,
Она идет, уверенная в том,
Что не напрасно ей такая участь.

И мы ее, влюбленные в нее,
Случится край — в сто первый раз поддержим,
В канаты свяжем жилы и удержим,
Ей кануть не дадим в небытие.

Дождь окончен, но гроза
Все еще деревья валит!..
Новый день, малиной залит,
Из ведра промыл глаза,

На крылечке крутанулся,
По стеклу провел огнем,
Сыромятным затянулся,
Медью кованым, ремнем!

Вот и все, и вся недолга.
Сладок сон, да не поспишь!
Сверху вниз валилась Волга!
Снизу вверх бежал Иртыш!

И с холма воды напиться
Журавлиным косяком
В белых лентах, в белых ситцах
Шли березы босиком.

Шли отары. Даль клубилась!
Пар стелился по траве.
Горло пело, сердце билось,
Коршун плавал в синеве.

А на дальнем перевале,
За рекою, за бугром,
В небе, как в пустом подвале,
Все еще катался гром!

И света сноп — как горсть прозрачных зерен! —
Из темного окошка.

Тишина...

Крылами прошумела птица ворон,
И в палисаде супротив окна
Роса явилась маковою пылью,
Сорвался лист кленовый и, кружа,
Спустился вниз, и сказка стала билью,
И женский голос, трепетно дрожа,
Заполнил все таким неповторимым,
Таким высоким! И увидел я
Как предо мной частица бытия
Прошла моя,
И с клочковатым дымом,
Скрывающим и дол, и небеса,
Перемешалась и во мне осталась.
И по моей щеке моя слеза
Скатилась и на атомы распалась.

В голой роще кукушка всю весну куковала,
 Словно нитку, весну сквозь кусты продевала,
 Недородом пугала, предрекала разлуку,
 И тяжелую долю, и лихую разруху.

Мы ходили по пашне, собирали картошки,
 Мы пекли из картошки — вот такие! — лепешки,
 Мы крутили сигарки, мы саранки копали,
 Мы ходили к цыганке, мы о счастье гадали.

Выходило — не очень... Карты, деньги да кружка
 Все родней становились. Эх, кукушка, кукушка...

БАХЧА

Солнце тополи жжет. Перевитые жилы
 Крутолобых корней роют дерн и песок.
 Над вороньими гнездами
 Гнезд старожилы
 Зноем плещут и падают наискосок.
 Широко расстелились узорные плети,
 Лето стрепетом бьется над золотом дынь.
 Осы чертят круги, и с душистых соцветий
 Горький запах роняет седая полынь.
 Дышит август расшитым степным дастарханом!
 Тучи по небу к вечеру ходят гужом...
 Я арбуз для тебя, внучка славного хана,
 Рассекаю на части казацким ножом.
 Брызжут семечки!
 Ешь!
 Наше лето созрело!
 Твои руки нежны, твои губы влажны.
 У меня есть к тебе неотложное дело
 Прямо здесь и сейчас, посредине страны!
 Рядом с этой полынью духмяной и горькой,
 Возле этой тропы, что в бахчу завела...
 Конь арбуз добирает, и, хрупая коркой,
 Осторожно и мягко трясет удила.
 Не стреножен, не спутан, стоит, не отходит,
 И глазищами, полными света и тьмы,
 Постригая ушами, внимательно смотрит,
 Как пропаще и жадно целуемся мы.

ПОДРОСТОК

Легким дождиком пыль прибитая,
 Светом полнится утро свежее.
 Окна чистые, как намытые,
 Даль прозрачная, словно вешняя.

Облака так легки, парящие,
Синим дымом низина выстлана...
Прикоснешься к стволам — звучащие,
Слово вымолвишь, в слове — истина.
А рубашка — бела!
Не пестрая.
Чтобы светлым шел в тихой роздыми.
А литовка такая острая,
А роса на соцветьях — гроздьями!
С синевою, на диво, ровные
Капли вызрели за ночь, рясные...
И в полнеба заря огромная.
И судьба впереди неясная.